

Вокруг книг

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.14

Глобальные трансформации: хаос как основа для нового миропорядка (обзор)

Светлана Игоревна КОДАНЕВА

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: kodanevas@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8232-9533

ЦИТИРОВАНИЕ: Коданева С.И. Глобальные трансформации: хаос как основа для нового миропорядка (обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 6. С. 267–283.
DOI: 10.31249/kgt/2022.06.14

Статья поступила в редакцию 20.10.2022.
Исправленный текст представлен 01.12.2022.

АННОТАЦИЯ. Современный мир находится в состоянии хаоса. Сочетание разнонаправленных тенденций, таких как глобализация и антиглобализм, демократизация и рост числа авторитарных режимов, приводит к тому, что мир постоянно находится в «серой» зоне, когда присутствуют элементы этих противоречивых тенденций в различных комбинациях.

В настоящем обзоре представлены монографии, посвященные анализу причин указанных явлений и тенденций трансформации миропорядка. Авторы этих исследований концентрируют свое внимание на различных аспектах: экономических, политических, социальных – и используют различные методологические подходы (концепции либерализма, реализма, структурный анализ, инструменты фрагментации и агрегирования и т. д.). Междисциплинарность представленных исследований и сочетание разнообразных под-

ходов и точек зрения позволяют сформировать более полную картину мира, чем исследования отдельных явлений в рамках одной научной дисциплины.

Будущее миропорядка представляется по-разному: начиная от нарастания авторитаризма и заканчивая формированием нового миропорядка, альтернативного западной глобализации, который может быть построен на принципах мирного сосуществования различных цивилизаций, уважающих идеологии и ценности друг друга. Двумя моделями для такого перехода могут быть «Сообщество единой судьбы человечества» и БРИКС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миропорядок, экономический кризис, популизм, либерализм, авторитаризм, цветные революции, «арабская весна», цифровая трансформация, умные города, свободный рынок.

Введение

Общемировые процессы в политике и экономике, такие как глобализация – локализация, демократизация – рост авторитаризма и т. д., в той или иной мере присутствуют постоянно, то чередуясь, то смешиваясь, приводя к кризисам и переходам. Исследователи ищут закономерности и объяснения этим процессам.

В настоящем обзоре представлены точки зрения авторов и научных коллективов из различных стран¹, которые концентрируют свое внимание на наиболее существенных тенденциях, влияющих на трансформацию современного миропорядка, используя различные методологические подходы для их объяснения и прогнозирования будущего развития.

Так, одним из вариантов является идея о том, что трансформации постоянно происходят на трех уровнях мировой политической системы:

- уровне суверенных государств (Вестфальская система);
- уровне международных и региональных отношений;
- в политических системах различных национальных государств.

Эти трансформации происходят по синусоиде (например, от глобализации к деглобализации, затем – снова к глобализации) [Turning Points ..., 2022]. Авторы монографии подчеркивают, что при этом никогда ранее в мировой истории не происходило одновременной трансформации на всех трех уровнях – того, что происходит сегодня. Это делает современный миропорядок необыкновенно турбулентным, провоцирует кризис, который принципиально отличается по масштабам и глубине от всего, что было раньше, и формирует своего рода «идеальный шторм», или синергию, когда процессы на каждом из уровней усиливают изменения на двух других уровнях.

1 В обзоре представлены следующие работы:

1) Монография *Global-Local Tradeoffs, Order-Disorder Consequences 'State' No More An Island?* (2022 г.) подготовлена международным коллективом авторов, представляющих страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, под редакцией профессора И.А. Хуссейна и посвящена анализу двух противоположных динамик: глобализации и локализации (национализма) и их взаимосвязи с постоянно возникающими социально-экономическими кризисами в разных частях мира.

2) Монография *Turning Points of World Transformation New Trends, Challenges and Actors* (2022 г.) подготовлена международным коллективом авторов, представляющих Россию, США, Канаду и Италию, под редакцией профессора М. Лебедевой и доцента В. Морозова и посвящена исследованию трансформации политической организации мира, проявляющегося в разных сферах мировой политики, а также выявлению основных мегатрендов современности, таких как глобализация – деглобализация, интеграция – дезинтеграция и демократизация – дедемократизация, и анализу их взаимовлияния на различные аспекты мировой политики.

3) Монография профессора социологии Международного балканского университета К. Шарломанова (Македония) *Populism as Meta Ideology* (2022 г.) содержит глубокий анализ популизма. В ней резюмируются подходы к определению популизма в социальных науках, выделяются наиболее важные подходы к определению как явления популизма, так и причин его возникновения и развития.

4) Монография *Handbook of Revolutions in the 21st Century The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (2022 г.) подготовлена международным коллективом авторов, представляющих США, Россию, ОАЭ, Молдавию, под редакцией профессора Университета Джорджа Мэйсона (США) Дж.А. Голдстона, академика Л. Гринина и профессора А. Коротаева и представляет анализ особенностей и новых характеристик, проявляющихся в современных войнах и революциях; предлагает понимание различных форм, особенностей, исторических предпосылок и причин современных революций, а также их взаимосвязь с меняющимся миропорядком.

5) Монография доцента Рокфордского университета (США) О. Эрденя *After the Crash Understanding the Social, Economic and Technological Consequences of the 2008 Crisis* была опубликована еще в 2020 г., однако привлекла незаслуженно мало внимания со стороны научного сообщества. Вместе с тем в этом исследовании автор подробно анализирует причины финансового кризиса 2008 г., наглядно показывая, что они связаны с тем, что предложенная западными (в том числе американскими) учеными модель свободного рынка является не только ошибочной, но и опасной для мировой экономической стабильности. Кроме того, автор демонстрирует, как события 2008 г. повлияли на трансформацию миропорядка, сформировав тенденцию к авторитаризму во всем мире, в том числе в самих США.

Другой подход также исходит из идеи о регулярности переходов, однако его сторонники полагают, что это не синусоида, а постоянная трансформация (сегодня одна динамика, завтра – другая), происходящая в различных сферах общественной жизни. Таким образом, мир постоянно находится в некоей «серой» фазе, когда присутствуют элементы противоречивых тенденций в различной комбинации [Global-Local Tradeoffs ..., 2022].

Некоторые авторы ищут объяснения трансформаций современного миропорядка в глобальных событиях как мирового, так и регионального масштабов, таких как экономический кризис 2008 г. [Erdem, 2020], многочисленные революции XXI в. [Handbook of Revolutions ..., 2022] или пандемия COVID-19 [Turning Points ..., 2022; Global-Local Tradeoffs ..., 2022].

Но, какие бы методологические подходы не использовали авторы, все они сходятся в одном: сегодня мир находится в состоянии хаоса, который нарастает как на уровне элит, так и на уровне академического сообщества. Это выражается в следующих факторах: в несоблюдении государствами (в первую очередь США) международных договоров и выходе из них; конфликтах, в частности в таком сложном регионе, как БВСА; миграции, которая оказала глубокое влияние на различные регионы, в частности на Европу; резком расширении ЕС в начале XXI в., а затем его «сокращении» после ухода Великобритании и нарастании евроскептицизма в других государствах – членах Союза; ухудшении отношений между Россией и Китаем со странами Запада и т. д. Кроме того, пандемия COVID-19 внесла свой вклад в хаос, побудив многих исследователей и политических лидеров заявить, что теперь мир будет другим. При этом хаос, спровоцированный кризисом, затрагивает не только поли-

тику, но и мировую экономику, а также социальную сферу.

Это знаменует глобальную трансформацию мироустройства, сложившегося после окончания периода холодной войны, когда, как представлялось многим, модель либеральной демократии продемонстрировала свое превосходство над социалистической моделью, ознаменовав «конец истории», описанный Ф. Фукуямой [Turning Points ..., 2022; Global-Local Tradeoffs ..., 2022; Erdem 2020].

Так, авторы [Global-Local Tradeoffs ..., 2022] отмечают, что окончание холодной войны в 1990-е годы ознаменовало начало новой эры быстрых и масштабных глобальных перемен. Отношения экономических сил после холодной войны поляризовались: глобальный Север больше не сдерживается постколониальным чувством вины и свободно навязывает свои новейшие экономические идеологии странам Юга. Авторы [Handbook of Revolutions ..., 2022] также показывают, что в этот период страны Запада стали широко использовать «мягкие» революции для смены неудобных режимов, распространения демократии и либеральных ценностей.

Это привело к широкому распространению в мире либеральной демократии и концепции свободного рынка, которые привели к глобализации, формирующей новые модели социальных отношений на всех уровнях и во всех сферах. Глобализацию сегодня очень часто называют продуктом неолиберального подхода в экономическом, социальном и политическом мышлении и рассматривают ее как процесс, включающий как расширение, так и углубление взаимозависимости между обществами и государствами во всем мире.

Либеральные экономисты считают, что глобализация способствует созданию стабильных демократических

режимов во всем мире, поскольку правительства должны открывать свои общества как политически, так и экономически. Таким образом, согласно неолиберальной точке зрения, процесс глобализации способствует экономической либерализации и либеральным демократиям на фоне уменьшения роли государства в национальном развитии.

Однако, как показано в [Global-Local Tradeoffs ..., 2022], неолиберальная теория концептуально позволяет объяснить причины возникновения глобализации. Несмотря на это, в действительности неолиберальная экономическая стратегия имеет много недостатков: например, рыночная рациональность не функционирует должным образом, что приводит к хаосу, картельному сговору, гангстерскому поведению и краху рынка. Авторы утверждают, что, помимо социального распада в результате социальной поляризации, социального отчуждения и постоянной угрозы макроэкономических кризисов, это усугубляет структурные дисбалансы и дефляцию. Таким образом, неолиберализм представляет собой институциональный вакуум, и поиск институционального решения становится важным ввиду кризисных тенденций в современной мировой экономике.

Следует добавить к этому, что представители неолиберальной идеологии, формулируя свое представление о том, каким должен быть мир, не смогли разработать реально и эффективно работающие инструменты для воплощения своих идеалов на практике. В связи с этим следует согласиться с точкой зрения К. Кома о том, что сторонники неолиберальной идеологии могут использовать только инструменты насилия – новые санкции и, в конечном счете, войну как средство принуждения правительств, которые не подчиняются их правлению. Растущая зави-

симость Запада от подрывной деятельности, экономическая экспроприация и грубая сила, направленная на принуждение диссидентов к подчинению, с каждым днем делают мир всё более опасным, потому что «либерально-демократический» лагерь больше не имеет подавляющего финансового и военного превосходства [Côte, 2022].

Причины кризиса современного миропорядка

Авторы всех представленных в настоящем обзоре работ сходятся во мнении о несостоятельности утверждения Ф. Фукуямы о «конце истории». Следует добавить к этой констатации тот факт, что и сам Ф. Фукуяма отказался от своей теории. Расходятся мнения авторов только в том, почему либеральная демократия, основанная на свободе рынка, оказалась столь непрочной и как миропорядок будет трансформироваться в будущем.

Так, авторы [Turning Points ..., 2022] отмечают тенденцию к продвижению традиционных ценностей, которая характерна для большинства современных цивилизаций (китайской, исламской, индуистской, латиноамериканской и африканской) и послужила не только укреплению их обществ перед лицом экспорта Западом либеральных социальных ценностей, но и народной поддержке тех правителей, которые открыто этому противостоят, стремясь сохранить суверенитет государства, сопротивляясь геополитическому давлению Запада в период однополярности. Из этого следует вывод о том, что глобальная либерально-демократическая революция, которую Ф. Фукуяма ожидал в конце холодной войны, произошла лишь внешне. Представляется, что данный тезис является важным для объяснения игнорируемого пред-

ставителями западной неолиберальной идеологии факта, почему всё в большем числе стран, жители которых, с их точки зрения, готовы к «подлинной демократии», всё же к власти приходят «плохие», по их мнению, авторитарные лидеры. Либеральные демократии относительно новы в истории, поэтому возрождение нелиберальных демократий (и особенно тех, которые поддерживают традиционные ценности, а не социально-либеральные – «прогрессивные») представляет собой возвращение к историческим моделям, хотя и в значительной степени реформированным во внутривнутриполитическом смысле со времен феодальных владений, монархий и империй.

В этой связи важно подчеркнуть различие между консерватизмом и традиционализмом, поскольку первый предполагает «консервацию» существующего положения вещей, в то время как второй предполагает развитие, основанное на твердом базисе традиционных ценностей.

Это означает, что либеральная демократия была лишь кажущейся естественной, а на самом деле неорганичной, не имеющей под собой того самого твердого базиса, что обусловило ее неустойчивость в качестве основы системы глобального миропорядка. Более того, эта внутренняя неорганичность и слабость либеральной демократии стали причиной того, что широко декларируемый принцип «правит большинство» на практике обернулся своей противоположностью, когда меньшинство (страны Запада) силой навязывают свои ценности (то есть свою цивилизацию) большинству (всему остальному миру). Иными словами, продвигаемая Западом глобализация сопровождается антидемократическими практиками, а сама либеральная демократия стала тоталитарной по отношению к тем обществам, которые ее не практикуют.

В работе [Erdem, 2020] предлагается взглянуть на причины кризиса либеральной демократии с другой точки зрения – экономической. Однако и это исследование в конечном итоге подтверждает тезис о нежизнеспособности неолиберальной идеологии и ее умозрительности. Так, О. Эрден утверждает, что то, каким человечество вступило в XXI в., является следствием признания во всем мире (после окончания холодной войны) в качестве доминирующей теории свободного рынка как основы современного капитализма. Эта теория основана на убеждении, что все люди рациональны, обладают способностью к расчетам и последовательностью.

Предположения, на которых строилась вся мировая экономика последних десятилетий, обеспечивали простые и элегантные решения в теории, но на практике оказались нереалистичны, что сделало всю теорию бесполезной в реальной жизни, поскольку со временем конкуренция превратилась в порочный круг, вынуждая компании принимать необдуманные решения, и не принесла желаемого результата. Тем более что участники рынка (как профессиональные, так и простые граждане) действовали не рационально, как того требовала теория свободного рынка, что и привело к кризису 2008 г. Таким образом, даже такие ярые ее приверженцы, как А. Гринспен, были вынуждены признать, что эта теория не работает. Некоторые ученые-экономисты высказывались даже более резко. Так, лауреат Нобелевской премии 2008 г. П. Кругман в 2009 г. заявил, что большая часть работ по макроэкономике за последние тридцать лет в лучшем случае была бесполезной, а в худшем – вредной [Erdem, 2020, p. 67].

Не менее важно, по мнению О. Эрдема, и то, что во время кризиса ФРС и правительство США активно вме-

шивались в ситуацию, стремясь спасти наиболее важные для экономики финансовые и страховые компании. Это, с одной стороны, подорвало доверие людей к рыночной экономике, а с другой стороны, открыло начало новой эпохи, которая будет характеризоваться упадком либерализма и демократии и усилением авторитарных тенденций. Это связано с тем, что после кризиса всё большую популярность стали приобретать кейнсианская теория и осознание необходимости большего контроля со стороны государства. Так, финансовый кризис 2008 г. изменил мир в сторону более контролируемого и авторитарного мира. Свои выводы О. Эрдем подтверждает исследованиями, демонстрирующими рост числа авторитарных режимов в мире, ослабление демократии в самих Штатах (автор даже подчеркивает сходство между динамикой роста авторитаризма в Турции и США), а также всё более широкое распространение популизма, который, по его мнению, связан именно с кризисом 2008 г.

Признавая значимость такого явления, как популизм, и то, что он, действительно, оказывает серьезное трансформирующее влияние на мировую политическую арену, тем не менее нельзя согласиться с такой узкой трактовкой данного явления и его причин.

Прежде всего, следует отметить, что популизм не является исторически новым явлением. Его черты можно обнаружить в российской идеологии народничества и американском аграрном популизме конца XIX в., в идеях национализма и фашизма 1920–1930-х годов, в Латинской Америке в 1930-х годах, в «Новом курсе» Рузвельта и т. д.

Как отмечает К. Шарламанов, корни современного популизма уходят в 1960-е годы и его рост – это долгосрочное социальное явление. При этом следует согласиться с тем, что популизм –

это не причина, а отражение кризиса в обществе, дисфункции политической системы. Серьезные долгосрочные экономические проблемы, постоянное возникновение экономических кризисов, отсутствие адекватного реагирования на вызовы идентичности и хроническое возникновение коррупционных скандалов снижают доверие граждан к политикам и партиям. В этом смысле нельзя говорить о том, что причиной роста популизма стал исключительно кризис 2008 г., или деиндустриализация в США, поскольку популизм появляется в разных частях мира и принимает разные формы: движений, режимов, дискурсивных стилей и риторических стратегий. Популизм адаптируется к различным социокультурным контекстам и выходит за рамки разделения на левых и правых. Современный популизм делится на «новый популизм», в большей степени связанный с кризисом национальной идентичности в Европе, и «неопопулизм», проявляющийся в Латинской Америке как реакция на усиление экономического влияния США и ТНК в этом регионе [Sharlamanov, 2022].

Иными словами, популизм – это реакция на экономическую модернизацию и структурные преобразования, в результате которых появляются победители и проигравшие. Аграрный популизм – это реакция фермеров на индустриализацию. Современный популизм – реакция рабочих и среднего класса на глобализацию и переход к постиндустриальному обществу. Популизм отражает страхи потери своего социального статуса как в результате экономических преобразований (левый популизм), так и в результате утраты национальной идентичности (правый популизм).

В этом смысле одного кризиса недостаточно для роста популизма. Важно то, что концепция свободного рын-

ка, реализованная во всем мире после окончания холодной войны, привела к таким трансформациям глобального миропорядка, которых никогда не было до этого, – формированию глобальных рынков и глобализации, сопровождающейся мультикультурализмом, формированием новых ценностей. Глобализация является основной движущей силой современного популизма в двух контекстах.

1. Глобализация распространила «свободный рынок» на весь мир. Так, в 1990-х годах было заключено больше соглашений о свободной торговле, чем в предшествующие десятилетия [Global-Local Tradeoffs ..., 2022]. Это привело к тому, что мобильность капитала и трудовой силы стали сильно различаться: производства переносят в развивающиеся страны, в результате чего капитал перетекает от центра к периферии. Неквалифицированный и низкоквалифицированный трудовой капитал, напротив, перетекает из развивающихся стран в развитые. Как следствие, в странах Запада сокращаются рабочие места и стагнируют зарплаты, социальное обеспечение сокращается, поскольку право на него получают прибывающие мигранты. Наконец, миграция влияет на культурную сферу (национальную идентичность).

2. В результате глобализации суверенитет государства размывается, поскольку национальные правительства всё больше зависят от международного права и международных организаций. В Европе эта тенденция усиливается за счет ЕС и необходимости выполнять решения, принимаемые этим наднациональным институтом. В результате государства утрачивают возможность оперативно реагировать на кризисные явления и удовлетворять запросы и ожидания своих граждан.

Таким образом, как показывает К. Шарламанов, глобализация подрыва-

ет демократию и демократические процессы. По мере развития глобализации всё больше власти концентрируется в руках элит, корпораций и бюрократии (в частности, евробюрократии), а гражданам имеют всё меньше и меньше влияния на решения, которые элиты принимают от их имени. Это ведет к утрате доверия как к отдельным институтам, так и к модели либеральной демократии в целом. Кроме того, граждане больше не отождествляют себя с социальными группами, к которым они должны формально принадлежать. Они не готовы тратить часть своего свободного времени на достижение общих целей. Вместо этого социальная жизнь всё больше индивидуализирована, а люди всё больше стремятся участвовать в частных, индивидуалистических проектах, а не в достижении общего блага.

В работе [Global-Local Tradeoffs ..., 2022] это описано как переход от популизма к «популистской общественности» как порождению глобализации и современных технологий, таких как социальные сети. Особенностью «популистской общественности» является то, что она не всегда мобилизуется вокруг политического лидера или партии, борющихся за власть. Она может сама формировать политическую повестку, которая не всегда связана с требованиями политических изменений. В этом случае популистские лидеры только воспринимают такую повестку, включая ее в свою риторику. По мнению авторов монографии, ярким примером влияния этого нового явления на миропорядок является «арабская весна».

Однако нельзя согласиться с такой трактовкой, поскольку «популистская общественность» описывается как результат эмансипации населения, того, что люди стали чувствовать себя более свободными и социально активными, готовыми поднимать волнующие их вопросы и мобилизоваться для их ре-

шения. Иными словами, в основе данной трактовки лежит всё та же идея стран Запада о «готовности» населения всего мира воспринять западные либеральные ценности и противостоять собственным «авторитарным» правителям, которые этому препятствуют.

Однако такой вывод противоречит другим исследованиям, в том числе посвященным проблематике современных революций. Так, в работе [Turning Points ..., 2022] показано, что разрушению суверенных государств способствуют разнообразные негосударственные субъекты, число и влияние которых постоянно увеличивается после Второй мировой войны. Особенно разрушительный эффект их активность оказывает на слабые государственные образования, так называемые несостоявшиеся государства, которые появились в регионе БВСА после Первой мировой войны, когда этот регион был разделен на искусственные государства, в которых объединились различные этнические группы, соперничающие религии и, в некоторых случаях, носители разных языков². Большинство этих государственных образований за время своего существования не смогли создать ни единой и общепринятой национальной идеи, ни системы ценностей для своего населения. Они не смогли смягчить напряженность, вызванную религиозным, общинным и этническим неравенством.

Как показано в работе [Global-Local Tradeoffs ..., 2022], связано это прежде всего с тем, что развитые страны навязывали этим новым государствам собственные модели либеральной демократии и требовали проведения демократических и административных реформ, приватизации государственного имущества и сокращения роли государ-

ства в экономике. При этом давление глобального Севера на глобальный Юг постоянно усиливалось, особенно после окончания холодной войны, и полностью игнорировалась культурная и институциональная специфика этих стран, как и их интересы. Иными словами, эти «несостоявшиеся государства» столкнулись с резкими структурными трансформациями, особенно в последние десятилетия в результате глобализации. Однако внутренне они были к этому не готовы, поэтому новые институты создавались на старом фундаменте, включающем отсутствие подотчетности и прозрачности, технологическую отсталость, зависимость от внешней помощи, централизацию управления и т. д. В результате этого соединения «старого» и «нового» формируются противоречия и диспропорции, например: приватизация и отсутствие предпринимательства; продолжающийся дефицит торгового баланса при отсутствии доступа к внешним рынкам; дерегулирование и финансовая нестабильность; свобода конкуренции при неконкурентоспособности внутренних производителей; ограниченный доступ к современным технологиям; растущая зависимость от негосударственных субъектов; демократизация, политическая нестабильность и криминализация; сохраняющаяся отсталость и нищета.

Как следствие указанных негативных последствий глобализации в сочетании с религиозными и этническими проблемами, в регионе нарастало напряжение, которое стало благодатной почвой для протестов, переросших в волну гражданских беспорядков, захлестнувших арабский мир в 2011 г.

Однако, как показывают авторы [Handbook of Revolutions ..., 2022],

2 Вместе с тем авторы отмечают, что «несостоявшиеся государства» есть не только в регионе БВСА, но и в других регионах мира, например на постсоветском пространстве.

«арабская весна» является только одним из примеров многочисленных революций, происшедших по всему миру в XXI в. Большинство этих революций, хотя и стали результатом внутренних проблем, произошли при активной поддержке извне, без которой внутреннее напряжение не переросло бы в революционное движение. В монографии подробно анализируются революции в разных странах, что позволяет ее авторам сделать вывод о том, что в современном мире революции – это не попытки угнетенных групп добиться большей справедливости и не результат эмансипации населения, стремящегося к большей демократии. Это просто рационализация усилий крупных держав по замене враждебных режимов дружественными. Не случайно мы становимся свидетелями «революционных волн», когда революционные события захлестывают одно государство за другим, развиваясь по одним и тем же сценариям. Так было в случае с Ливией, Йеменом и Сирией, где иностранное вмешательство обострило региональные, этнические и религиозные конфликты. Последнее может быть сдержано только довольно жесткими и авторитарными режимами. Как только такой режим свергается, страна погружается в хаос.

Таким образом, подобные «эксперименты» очень опасны для стран со слабой государственностью, сильными этнонациональными разногласиями и лишь частично модернизированной политической культурой, поскольку они обычно приводят к серьезной нестабильности. Еще одним важным выводом авторов является то, что на практике революции не решили внутренние проблемы стран. Напротив, в большинстве своем такие революции имеют далеко идущие негативные

(иногда фатальные) последствия. Так, многие «несостоявшиеся государства» распались или оказались на грани распада, а власть на части их территории стала переходить к негосударственным субъектам, таким как ИГИЛ*, ХАМАС и «Хезболла», которые подрывают ценности национальных арабских государств, намереваясь переформатировать регион. Они стирают существующие границы и создают новые образования. Эти негосударственные субъекты не только разрушают свои собственные государства, но и оказывают влияние на соседние, что усиливает нестабильность в регионе. В Иордании, Ливане и Турции есть огромные лагеря беженцев, которые повышают риск превращения этих государств в «несостоявшиеся» (особенно Ливана и Иордании). Волна беженцев захлестнула Европу, вызвав серьезный кризис в ЕС. Более того, как показано в [Handbook of Revolutions ..., 2022], следствием «арабской весны», как и цветных революций в других частях мира, становятся нарастание международной напряженности и эскалация конфликта между крупными державами. В современном мире революции могут влиять на экономические процессы как непосредственно, так и через усиление политической напряженности между странами. Наиболее ярко это демонстрируют санкции и санкционные войны.

Таким образом, последствия внутриполитических проблем в «несостоявшихся государствах» и цветных революций оказываются разрушительными и для международных отношений: Европа заполнена миллионами беженцев, что вызвало острый кризис; усиливаются угрозы международного терроризма, берущего свое начало на Ближнем Востоке; нарастает геополитическая напряженность между США

* Запрещенная в России террористическая организация.

и Россией. Однако самым серьезным результатом указанных событий может быть то, что в некоторых случаях они могут изменить геополитический баланс сил в мировой системе [Handbook of Revolutions ..., 2022, p. 246].

Таким образом, вряд ли можно рассматривать события «арабской весны» и цветных революций как пример активизации «популистской общественности». Следует согласиться с результатами исследования, изложенными в [Handbook of Revolutions ..., 2022] и наглядно демонстрирующими, что они возникли не столько в результате движения активного и эмансипированного народа этих стран, сколько в результате практики внешнего вмешательства с целью «демократизации» соответствующих государств и смены «авторитарных» политических режимов. Таким образом, в этом смысле популизм в этих странах стал инструментом, с помощью которого негосударственные акторы (в том числе иностранные НПО) достигли своих целей в обществах, где демократия имела, скорее, внешний, наносной характер и не была глубоко воспринята местным населением.

В этой связи следует обратиться к теоретическим исследованиям популизма, проведенным в работе [Turning Points ..., 2022] и К. Шарламановым. Так, авторы первой приходят к выводу, что популизм и евроскептицизм следует рассматривать как фрагментарные идеологии, которые объясняют только определенные политические явления, либо как стратегии для достижения политических целей. При этом популизм основан на противопоставлении народа и элиты, а евроскептицизм – на противопоставлении народа и ЕС. Таким образом, и популизм, и евроскептицизм легко сочетаются с традиционными идеологиями, отвечая на политические запросы соответствующих групп населения.

Исследование К. Шарламанова опирается на более проработанную теоретическую базу, которая позволяет автору сделать вывод о том, что популизм проявляется в четырех основных формах [Sharlamanov, 2022]:

1. Как способ организации взаимодействия между популистскими лидерами и народом. Он характеризуется тем, что общение происходит напрямую без посредничества партийного бюрократического аппарата, причем популистский лидер может как сам формировать политическую повестку, так и заимствовать ее у народа. В этом смысле концепцию «популистской общественности» следует рассматривать именно как разновидность организационной формы популизма.

2. Как дискуссионный стиль и риторическую стратегию – это специфическая форма изложения политической повестки простым языком, доступным обывателю. При этом излагаемые политические вопросы максимально упрощаются.

3. Как перформанс – нестандартное поведение популистского лидера. Популистская политика – это политика создания и продажи спектаклей. Отличие дискуссионного стиля от перформанса заключается в том, что в первом случае речь идет о содержании политической риторики, а во втором – о форме ее внешнего выражения.

4. Как идеологию, в основе которой лежит противопоставление народа и элиты. Причем это может быть как национальная элита, так и наднациональная, например, европейская (в этом смысле евроскептицизм является одной из разновидностей популистской идеологии).

Таким образом, К. Шарламанов, анализируя различные примеры популизма, обосновывает, что популизм первых трех форм является не более чем инструментом достижения поли-

тических целей, который широко используют различные политические акторы, а не только популисты. Популизм как идеология – это набор идей, идеология, которая не основана на четком, систематизированном, едином мировоззрении и однородной политической программе, как в случае с другими идеологиями. Это общая, абстрактная концепция политики и общества, открытая для широкого набора более конкретных политических идей и программ, в зависимости от национального и исторического контекста. То есть популизм не предлагает последовательных ответов на широкий круг политически значимых вопросов, но в зависимости от контекста и потребностей заимствует концепции из более развитых политических идеологий. Однако в популизме есть элементы, присущие политической идеологии. У него есть набор концепций, которыми он оперирует и которые он понимает определенным образом. Такими понятиями являются «простые люди», «элита», «общая воля», «народный суверенитет», «право большинства управлять общественными делами». Поэтому его можно идентифицировать, даже если он заимствует элементы из других политических идеологий. Таким образом, популизм представляет собой новую идеологию, которая основана на антитезе «народа» как единого целого и «элиты», которая может быть разнообразной и раздробленной, но всегда действует против воли и интересов «народа» [Sharlamenov, 2022].

Роль цифровизации в трансформации миропорядка

Не следует забывать также о роли и влиянии современных технических достижений, особенно в области коммуникаций, на развитие глобализации,

популизма, либеральной демократии и национального суверенитета. Так, все авторы признают ключевую роль Интернета и социальных СМИ в стремительном развитии глобализации и популизма. Признается также то, что глобализация и цифровизация постепенно размывают национальный суверенитет, что также провоцирует рост популизма. При этом оценки влияния современных технологий на будущее миропорядка различаются.

Так, авторы работы [Global-Local Tradeoffs ..., 2022] и К. Шарламанов полагают, что сетевые СМИ, будучи порождением глобализации и одним из ключевых факторов развития популизма в его современном виде, в то же время становятся инструментом борьбы с ним и продвижения идей антиглобализма и деглобализации.

Авторы работы [Turning Points ..., 2022] видят в цифровых технологиях инструмент борьбы капитала за сохранение и даже усиление своего влияния на мировую политику. В качестве примера они приводят «умные города», которые рассматривают в качестве негосударственных субъектов, призванных подорвать национальный суверенитет государств. Появление и развитие концепции «умных городов» связано с кризисом капиталистического индустриализма («фордизма») и объективной необходимостью его замены новой системой регулирования. Такой системой должна стать сеть мировых центров и «умных городов». Эта система «дезагрегированного суверенитета» решает задачи глобального управления с большей легкостью и эффективностью, чем традиционные субъекты мировой политики – суверенные государства и их органы. Таким образом, авторы монографии формулируют и обосновывают гипотезу о том, что создание международной сети глобальных городов, служащей основой для перехода к пост-

национальному, сетевому экономическому и политическому управлению, отвечает интересам глобальной капиталистической олигархии.

Авторы работы [Global-Local Tradeoffs ..., 2022] по-своему развивают эту точку зрения. Они отмечают, что глобализация выгодна экономически сильным державам и ТНК, что она является еще одним витком гегемонии глобального Севера, при котором жители глобального Юга сохраняют то же чувство бессилия и разочарования, которое они испытывали при империализме. С этой точки зрения глобализация означает «новое распределение власти и поставляется в новом пакете вместе с неформализацией, информатизацией и гибкостью» [Global-Local Tradeoffs ..., 2022, р. 341]. Иными словами, глобализация, связанная с распространением как традиционных экономических и политических моделей, так и принципиально новых цифровых технологий и связанных с ними социальных моделей, – это «просто еще одна фаза эксплуататорского капитализма, предлог для социально регрессивной государственной политики и средство, с помощью которого еще больше усиливается как внутреннее, так и международное неравенство», «процесс глобализации усугубляет глобальную бедность, ограничивает возможности национальных правительств в государственном управлении, сохраняя неравенство между глобальным Севером и Югом» [Global-Local Tradeoffs ..., 2022, р. 342].

О. Эрдем, напротив, полагает что цифровые технологии становятся инструментом для подрыва основ капитализма. Так, он утверждает, что следствием кризиса 2008 г. стало массовое распространение экономики совместного использования и подписки. Обе технологии появились еще в конце XX в., однако стали востребованы, когда люди, лишившись своих сбережений

и, часто, доходов, стали вынуждены искать новые способы экономии. Таким образом, кризис 2008 г. нанес удар по основе капитализма и теории свободного рынка – собственности, поскольку люди предпочитают теперь не покупать вещи в собственность, а брать их напрокат.

Еще одним следствием кризиса стало появление биткойна в 2009 г., то есть сразу после кризиса, хотя оригинальный криптографический алгоритм датируется 1970-ми годами. Первые общепринятые и публично признанные цифровые деньги были введены, когда люди потеряли доверие к денежной системе. Биткойн, по мнению О. Эрдема, – это не только технологическое изобретение, но в первую очередь средство восстания против существующей денежной системы – идеологическая революция; и даже если со временем биткойн перестанет существовать, он и лежащий в его основе блокчейн открыли для многих людей альтернативу экономической модели, приведшей мир к кризису 2008 г. [Erdem, 2020, р. 97].

Вместе с тем нельзя не учитывать и то, как быстро блокчейн и созданные на его базе криптовалюты привлекли внимание преступного мира: биткойнами расплачиваются в *DarkNet*, хакеры и мошенники взламывают криптобиржи и похищают средства из кошельков их пользователей, вымогают оплаты в биткойнах в обмен на возврат похищенных данных, создают мошеннические «инвестиционные» сайты и т. д. При этом глобальный охват криптовалют и связанной с ними инфраструктуры подрывает суверенитет государств, а правительства большинства стран мира всё еще затрудняются в юридической классификации и правовом регулировании данной сферы.

В этом плане более обоснованным представляется мнение У. Магнусона о том, что блокчейн как технология

перераспределения власти не является чем-то радикально новым, а, скорее, следует давно сложившейся тенденции влияния технологий на общество. Точно также массовый интерес к блокчейну с его обещанием децентрализованного самоконтроля над финансовым, экономическим и материальным миром также не является чем-то неожиданным. Однако следствием децентрализации, которую способны дать блокчейн и криптовалюты, является то, что власть от правительств перейдет к толпе, которой можно управлять. И обязательно найдутся те, кто этим воспользуется, что в конечном итоге может привести к новой форме авторитаризма, но не национальных государств, а ТНК. Таким образом, блокчейн и криптовалюты, по мнению У. Магнусона, в их современном виде не являются идеальным инструментом демократии [Magnuson, 2020, p. 192].

Таким образом, развитие цифровых технологий способствует усилению трендов, сформированных странами Запада и ТНК и имеющих целью сохранение существующего миропорядка, основанного на неолиберальной идеологии. Вместе с тем эти инструменты начинают осваивать и использовать для защиты своих интересов те акторы, которые проигрывают от развития указанных трендов: народ («популистская общественность») и правительства суверенных государств глобального Юга.

Прогнозы направлений трансформации современного миропорядка

Следует отметить, что большинство авторов приходят к заключению, хотя и по разным причинам, об усилении тенденций авторитаризма. Так, О. Эрдем полагает, что кризис 2008 г. подтолкнул мир к ослаблению демократии и уси-

лению авторитаризма из-за возвращения к кейнсианской модели экономики. Кроме того, он признает, что хотя цифровые технологии и стали формой самоорганизации граждан, они же могут подрывать личную свободу и создавать цифровые диктатуры, при которых вся власть сосредоточена в руках крошечной элиты. К. Шарламанов полагает, что популизм усиливает демократию, когда популистские лидеры находятся в оппозиции, но неизбежно перерождается в авторитаризм, когда они сами приходят к власти.

Авторы [Global-Local Tradeoffs ..., 2022] видят источник антидемократических тенденций в ином – в нарастающем неравенстве между классами, людьми и регионами. Поскольку глобальный капитализм неизбежно приводит к неравномерному и несправедливому распределению ресурсов, он препятствует развитию демократии. Поддержание демократии с социалистическим уклоном может в идеале обеспечить стабильное правительство внутри страны при разумном уровне международной кооперации (экстернализации). Однако превалирование диктатуры рынка приводит к экономическим кризисам, народным волнениям и международному вмешательству. Эта опасность угрожает всем развивающимся странам и всё чаще – развитым странам. Таким образом, авторы прогнозируют, что система управления, основанная на либеральной экономике и не уделяющая должного внимания демократии (то есть представительства и учету интересов народа), рано или поздно приведет к глобальному кризису.

Авторы работы [Turning Points ..., 2022] прогнозируют структурную трансформацию миропорядка, зарождение альтернатив глобализму западной цивилизации, ее стремлению сохранить гегемонию, основанную на

продвижении единой идеологии и военной силе. Первую альтернативу предлагает Китай. Пользуясь преимуществами как экономической глобализации, так и технологической революции, Китай создает Сообщество единой судьбы человечества, которое свяжет различные цивилизации мира теснее, чем когда-либо прежде. Это новое объединение цивилизаций должно быть основано на единстве экономических интересов при одновременном уважении цивилизационных различий, разных идеологий и ценностей. Тенденция к межблоковой, а в конечном итоге и цивилизационной интеграции потребует создания новых регулирующих структур – нового «объединения цивилизаций», которое заменит ООН.

В этом контексте второй альтернативой может стать БРИКС. Авторы монографии анализируют институциональную природу БРИКС, опираясь на различные концепции международных отношений, и приходят к выводу, что страны БРИКС демонстрируют свою готовность выстраивать более эффективную модель мирового порядка, стараясь делать это неконфронтационным способом. При этом они активно используют «мягкую силу» как инструмент защиты своих национальных интересов, который следует использовать прагматично и, при необходимости, в сочетании с другими методами, в том числе принудительными. Достижением БРИКС в этом плане является то, что это объединение показало, что страны с различными экономическими и социально-политическими системами и даже противоречащими друг другу интересами (например, Китай и Индия) могут мирно сосуществовать.

В [Turning Points ..., 2022] показано, что, хотя БРИКС пока еще не имеет институционального характера и является скорее дискуссионным форумом, это объединение уже сформировало свой

имидж как альтернативной модели мироустройства, основанной на принципах и правилах межгосударственного сотрудничества, исключающих дискриминационные и иерархические типы отношений, и имеет все шансы стать влиятельным институтом глобального управления, хотя и играющим по правилам, отличным от тех, которые навязываются международной системе наиболее могущественными западными государствами.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что авторы всех рассмотренных работ отмечают, что сегодня мир находится в состоянии хаоса, который показывает несостоятельность казавшейся общепризнанной либеральной демократии и неспособность либеральной экономики предотвратить экономические кризисы, рост экономической преступности, бедность, социальные и региональные диспропорции и т. д. При этом в современном мире одновременно существуют и действуют разнонаправленные тенденции, что свидетельствует о необходимости структурной трансформации миропорядка. Очевидно, что этот новый миропорядок, скорее всего, будет нелиберальным, то есть не будет основан на западных моделях. Однако авторы расходятся в определении его будущих контуров, предсказывая мировой кризис, рост авторитаризма и новую модель объединения цивилизаций на принципах демократии, многополярности, взаимного уважения идеологий и ценностей друг друга.

Список литературы

Côme C. The West's Interpretation of Freedom and Democracy is Myopic and

Destructive // Chintan. India Foundation Blogs. – 2022. – October 31. – URL: <https://chintan.indiafoundation.in/articles/the-wests-interpretation-of-free-dom-and-democracy-is-myopic-and-destructive/> (дата обращения: 27.11.2022).

Erdem O. After the Crash Understanding the Social, Economic and Technological Consequences of the 2008 Crisis. – Springer Nature, 2020. – 123 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-43343-7.

Global-Local Tradeoffs, Order-Disorder Consequences 'State' No More An Island? / Ed. by I.A. Hussain. – Springer Nature, 2022. – 348 p. – DOI: 10.1007/978-981-16-9419-6.

Handbook of Revolutions in the 21st Century The New Waves of Revolutions,

and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / Ed by J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. – Springer Nature, 2022. – 1048 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2.

Magnuson W. Blockchain democracy. Technology, law and the rule of the crowd. – Cambridge University Press, 2020. – 258 p. – DOI: 10.1017/9781108687294.

Sharlamanov K. Populism as Meta Ideology. – Springer Nature, 2022. – 235 p. – DOI: 10.1007/978-3-031-03934-8.

Turning Points of World Transformation New Trends, Challenges and Actors / Ed. by M. Lebedeva, V. Morozov. – Springer Nature, 2022. – 255 p. – DOI: 10.1007/978-981-19-1758-5.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.14

Global Transformations: Chaos as the Basis for a New World Order

Svetlana I. KODANEVA

Candidate of Law Sciences, Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russia, 117418

E-mail: kodanevas@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8232-9533

CITATION: Kodaneva S.I. (2022). Global Transformations: Chaos as the Basis for a New World Order. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 6, pp. 267–283 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.14

Received: 20.10.2022.

Revised: 01.12.2022.

ABSTRACT. *The modern world is in a state of chaos. The combination of multidirectional trends, such as globalization and anti-globalism, democratization and the growing of authoritarian regimes, leads to the fact that the world is constantly in a “gray” zone when elements of these contradictory trends are found there in various combinations.*

The review presents the monographs devoted to the analysis of the causes of these phenomena and trends in the transformation of the world order. The authors of these studies focus on various aspects: economic, political, and social ones, use various methodological approaches (concepts of liberalism, realism, structural analysis, tools of fragmentation and aggregation, etc.). The interdisciplinarity of the presented research and the combination of various approaches and points of view allow us to form a more

complete picture of the world than the study of individual phenomena within a single scientific discipline.

The future of the world order is presented in different ways: from the rise of authoritarianism to the formation of a new world order, that is an alternative to Western globalization, built on the forcible imposition of its ideology and values on other countries. A new world order can be built on the principles of peaceful coexistence of different civilizations that respect each other's ideologies and values. Two models for such a transition could be the Community of Common Destiny for Mankind and the BRICS.

KEYWORDS: *world order, economic crisis, populism, liberalism, authoritarianism, color revolutions, Arab Spring, digital transformation, smart cities, free market.*

References

Côme C. (2022). The West's Interpretation of Freedom and Democracy is Myopic and Destructive. *Chintan, India Foundation Blogs*. October 31. Available at: <https://chintan.indiafoundation.in/articles/the-west-s-interpretation-of-freedom-and-democracy-is-myopic-and-destructive/>, accessed 27.11.2022.

Erdem O. (2020). *After the Crash Understanding the Social, Economic and Technological Consequences of the 2008 Crisis*. Springer Nature, 123 pp. DOI: 10.1007/978-3-030-43343-7.

Global-Local Tradeoffs, Order-Disorder Consequences 'State' No More An Island? (2022). Hussain I.A. (ed.). Springer Nature, 348 pp. DOI: 10.1007/978-981-16-9419-6.

Handbook of Revolutions in the 21st Century The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change (2022). Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds.). Springer Nature, 1048 pp. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2.

Magnuson W. (2020). *Blockchain democracy. Technology, law and the rule of the crowd*. Cambridge University Press, 258 pp. DOI: 10.1017/9781108687294.

Sharlamanov K. (2022). *Populism as Meta Ideology*. Springer Nature, 235 pp. DOI: 10.1007/978-3-031-03934-8.

Turning Points of World Transformation New Trends, Challenges and Actors (2022). Lebedeva M., Morozov V. (eds.). Springer Nature, 255 pp. DOI: 10.1007/978-981-19-1758-5.